

Лу Шэн не стал беспокоить Се Наня. Собрав разбросанные клочки бумаги, он сел за свой письменный стол, достал из ящика клей с чистыми листами и принялся бережно восстанавливать рукопись. Се Нань вложил в этот роман столько сил и души — разве мог он действительно хотеть уничтожить его? Должно быть, сегодня стряслась какая-то беда, и в порыве отчаяния он просто не совладал с собой. А когда успокоится, наверняка горько пожалеет.

Се Нань, лежа в постели, и не думал спать. В голове вихрем проносились неудачи последних двух дней, отчего виски ломило тупой болью. Когда скрипнула дверь, он по шагам понял, что вошел Лу Шэн. Общаться сейчас ни с кем не хотелось, поэтому Се Нань покрепче зажмурился, решив притвориться спящим. Ожидаемо, муж не стал раздвигать полог кровати. Судя по удаляющимся шагам, он направился к письменному столу.

В этот момент Се Нань вспомнил о клочках бумаги, устилавших пол у порога. Гнев утих, уступив место щемящей жалости к плодам своего труда. Каким же глупым и несдержанным он себя чувствовал!

«Парочка отказов — и я уже опустил руки, поддался глупой ярости. Разве с такой слабостью можно вообще рассуждать о свободе?»

Испугавшись, что Лу Шэн примет обрывки за мусор и прикажет слугам вынести их, Се Нань переборол себя и поднялся с постели. Однако, подойдя к двери, он не обнаружил на полу ни единого обрывка.

«Неужели выбросил?»

В груди испуганно екнуло. Он поднял взгляд на мужа и спросил:

— Клочки бумаги у двери... Ты их выбросил?

Лу Шэн отложил в сторону уже восстановленный лист:

— Ты об этом? — Он осторожно приподнял склеенную страницу.

— Это... — Се Нань подошел к столу. Глядя на ворох оставшихся обрывков, он ощутил, как к горлу подкатывает странный ком. — Я же сам их порвал. Зачем ты их склеиваешь?

— Потому что знал, что ты пожалеешь, — Лу Шэн мягко посмотрел ему прямо в глаза. — Расскажи, что сегодня стряслось? Что тебя так расстроило?

Се Нань горько усмехнулся и коснулся пальцами склеенного листа:

— Да я не на них злюсь... На себя.

— На себя?

Се Нань кивнул:

— На то, какой я глупый и наивный. Строю какие-то несбыточные иллюзии, переоцениваю свои силы.

— Не говори так. Это они глупцы, раз не сумели разглядеть твой талант. Мир огромен, и в нем обязательно найдутся те, кто оценит твои труды по достоинству, — Лу Шэн поднялся, подошел к Се Наню и, обняв его за плечи, твердо посмотрел ему в глаза. — Все, что тебе нужно сейчас — это продолжать писать. Доведи свою историю до ума.

Глядя в эти преданные, полные решимости глаза, Се Нань окончательно запутался. Этот человек должен был стать главным препятствием на его пути в новом мире, но вместо этого раз за разом помогал, подставлял плечо, подбадривал и понимал с полуслова. И всё ради чего? Ради так называемой любви?

«Неужели двое мужчин действительно способны отбросить предрассудки и искренне полюбить друг друга?»

Се Нань не находил ответа.

— Зачем тебе это? — Се Нань взглянул в его лицо. — Ты ведь прекрасно знаешь, что я к тебе ничего не чувствую. Я остаюсь в семье Лу только потому, что пока не могу сам себя прокормить. Скажу даже грубее: я просто использую тебя, пользуюсь твоим именем и положением. Но как только мои романы признают, как только я встану на ноги и заработаю достаточно денег, я уйду. Сразу же. И уеду как можно дальше от тебя.

Лу Шэн не был глупцом. Он и сам давно догадывался о мыслях супруга, но...

— Значит, я играю по-крупному. Я ставлю на то, что рано или поздно ты полюбишь меня. Пусть пользуешься, я не против. Ведь если ты привыкнешь во всем полагаться на меня, если не сможешь без меня обходиться... разве это не значит, что ты останешься со мной навсегда?

— Но... что вообще тебе во мне нравится? — устало вздохнул Се Нань. — Я не считаю себя настолько неотразимым, чтобы за такое короткое время вскружить тебе голову.

— Если бы я сам знал, возможно, давно бы уже совладал с собой. Сердцу не прикажешь. С нашей первой встречи я словно сам себе не хозяин. Поначалу ты меня жутко раздражал, но я ловил себя на том, что постоянно ищу тебя глазами. Если тебе известен секрет, просвети меня: что со мной происходит? Может, подскажешь рецепт какого-нибудь снадобья от этой напасти?

Кончики пальцев Лу Шэна нежно коснулись щеки Се Наня. С каждым словом он склонялся все ниже, их дыхание смешалось...

— Э-э... тут еще немного обрывков осталось. Я сам справлюсь. Ты тоже устал за день, иди отдыхай, — в самый последний момент Се Нань отстранился, спасаясь от опасной близости.

Лу Шэн разочарованно, но мягко улыбнулся. На кончиках его пальцев все еще сохранялось тепло чужой кожи, заставляя сердце биться чаще.

— В одиночку ты до утра проковыряешься. Давай помогу...

Зеленая настольная лампа изливала мягкий теплый свет. Се Нань зевнул, в душе коря себя за глупый порыв: надо же было так мелко искромсать бумагу! Теперь приходилось полночи корпеть над этой мозаикой.

Приподняв голову, он увидел, что Лу Шэн уже уснул, уронив голову на сложенные руки. Перед ним лежала стопка аккуратно расправленных листов. Се Нань невольно и мимолетно улыбнулся. Он осторожно забрал готовую часть рукописи, сложил её вместе со своими склеенными страницами и убрал в ящик стола.

«Впредь нужно держать себя в руках и не пороть горячку»

— Лу Шэн, проснись. Логись в кровать... Лу Шэн... — Се Нань попытался растолкать его, но тот лишь сонно мычал в ответ. Делать нечего: пришлось подхватить мужчину под мышки и, кряхтя, потащить к постели.

Тот и вправду смертельно устал — стоило голове коснуться подушки, как он мирно засопел. Се Наня укололо чувство вины. Он бережно стянул с мужа сапоги, помог снять верхнюю одежду и укрыл теплым одеялом. От этих хлопот Се Нань сам изрядно запыхался. Опустившись на край постели, он долго всматривался в безмятежное лицо спящего. На душе было смятение. Сейчас, когда Лу Шэн лежал перед ним такой беззащитный, все резкие, холодные слова застряли в горле.

Вся эта буря чувств разрешилась тихим, протяжным вздохом. Раздевшись, Се Нань лег рядом.

В темноте тот, кто, казалось, крепко спал, медленно приоткрыл глаза. Он довольно улыбнулся. Повернувшись на бок, Лу Шэн собственническим движением притянул Се Наня к себе, заключая в объятия. Уснувший литератор даже не почувствовал, как оказался в кольце сильных рук. Ночь прошла спокойно.

Гуйсэн, личный доверенный слуга молодого господина Лу, выполнял самые деликатные

поручения хозяина. Несколько дней назад Лу Шэн велел ему подыскать в Цзяньнани подходящее просторное помещение. Престижность района значения не имела, главным критерием была площадь: крохотная лавка не вместила бы печатные станки и кипы будущих газет. Разумеется, о планах открыть собственное издательство слуге не сообщалось.

Получив приказ, Гуйсэн с утра до ночи бегал по городу. Он так торопился, что даже проигнорировал каверзные вопросы служанки Сяо Цзюй, столкнувшись с ней в коридоре поместья. Осмотрев очередные варианты, парень помчался с докладом к молодому господину.

Сяо Цзюй обиженно надула губы и, развернувшись, направилась напрямик в покои старой госпожи Лу.

— Молодой господин, вот список лавок, что я присмотрел. Расположение среднее, зато места хоть отбавляй. Но вот цена...

Лу Шэн взял листы с описаниями, внимательно изучил их, отсел лишнее и оставил три наиболее подходящих варианта.

— Хорошо. Показывай эти три.

— Будет сделано! — кивнул Гуйсэн.

Первая лавка находилась практически в самом центре Цзяньнани. Удобная транспортная развязка, отличный поток людей, просторные помещения — все было идеально, кроме заоблачной цены. Хозяин недвижимости никуда не спешил и намеренно завышал стоимость в расчете на заезжего богача, а не найдет покупателя — так и пусть стоит.

Второе помещение располагалось на окраине. Оно радовало огромными размерами и разумной платой, да и владелец оказался человеком сговорчивым. Лу Шэн сразу загорелся этим вариантом, хотя, конечно же, вида не подал.

Третья лавка ничем особым не выделялась, но ее хозяин оказался редкостным пройдохой. Стоило ему взглянуть на дорогой костюм Лу Шэна, как он мигом смекнул, что перед ним состоятельный господин, и на ходу задрал цену на целых сто больших океанских серебряных долларов больше той суммы, что озвучивал Гуйсэну ранее.

Помимо аренды или покупки здания, Лу Шэну предстояло закупить печатные станки и инвентарь, а это требовало немалых расходов. Хотя первая лавка манила своими перспективами, цена кусалась. Пуская семья Лу и считалась богатейшей в Цзяньнани, это дело затевалось исключительно ради Се Наня. Все документы Лу Шэн намеревался оформить на имя своего супруга, а значит, тратить семейные активы он не имел права — только личные сбережения.

Пока Лу Шэн обивал пороги ведомств и оформлял разрешения на открытие газетного дела, Се Нань тоже взял себя в руки. Он установил для себя строгое правило: писать по главе в день. Пусть будущее туманно, пусть успех не гарантирован, он должен сделать все, что в его силах.

Свободные часы он проводил за изучением пухлых счетных книг поместья. Лу Шэн окружил его такой заботой, что Се Нань, хоть и не мог ответить взаимностью, чувствовал себя обязанным. Раз уж судьба отвела ему роль супруга в этом доме, следовало вести хозяйство на совесть. К тому же, лишние трения с родней мужа из-за запущенных счетов ему были ни к чему.

В один из дней Лу Шэн вернулся домой необычайно рано. Застав Се Наня за рукописью, он, не говоря ни слова, ухватил его за руку и потащил к выходу.

— Лу Шэн, стой! — Се Нань, запутавшись в полах традиционного шелкового халата, едва не растянулся на пороге.

Лу Шэн вовремя подхватил его и весело рассмеялся:

— Идем скорее! У меня для тебя сюрприз. Тебе точно понравится.

Се Нань недоуменно нахмурился, тщетно пытаясь угадать, что задумал муж.

Тот увлек его за ворота и усадил в ждавший автомобиль. Личный шофер тут же завел мотор, и машина мягко покатила по улице. Стоило им скрыться из виду, как из-за угла ворот выскользнула хрупкая девичья фигура и торопливо направилась в сторону покоев старой госпожи Лу.

Старая госпожа Лу изящным жестом промокнула уголки губ шелковым платком. Годы не ослабили ее властного голоса:

— Говоришь, старший молодой господин увез Се Наня? И они так спешили?

Сяо Цзюй почтительно склонила голову:

— Да, матушка. Господин в последнее время возвращался затемно, а сегодня едва переступил порог — и сразу увлек Старшую молодую госпожу за собой. Мне показалось это странным, вот я и решила доложить вам.

Она опустила голову еще ниже, стараясь казаться безмерно преданной.

Старая госпожа окинула служанку холодным, пронизательным взглядом и, ничего не ответив, небрежно взмахнула рукой, отсылая прочь. Сяо Цзюй бесшумно поклонилась и вышла. На

крыльце девица досадно поморщилась, а в глазах на мгновение вспыхнул огонек уязвленного тщеславия.

Разумеется, старая госпожа Лу не собиралась отмахиваться от слов служанки. Последние дни ее терзали смутные сомнения: зачем старшему сыну понадобилось снимать со счетов столь крупную сумму? Теперь же мозаика сложилась. Всё это время она упускала из виду ключевую фигуру — своего супруга-невестку, Се Наня.

Вспомнив, как случайно застала их наедине, госпожа Лу мысленно покачала головой: Лу Шэн смотрел на Се Наня с такой безумной нежностью, что сомнений не оставалось. Ради этого юноши сын мог спустить всё состояние. Мужчины всегда теряют голову от страсти, и неважно, кто стал причиной их безумия.

Бросаться в погоню не имело смысла. Старая госпожа Лу славилась своим хладнокровием. Поразмыслив, она велела старшей горничной караулить у ворот: как только хозяева вернутся, незаметно привести к ней шофера для расспросов.

Получив указание, служанка поспешила исполнять приказ.

«Если Лу Шэн действительно снял эти деньги ради Се Наня, то на что он их потратил?»

Старая госпожа Лу нахмурилась, пальцы ее судорожно сжали шелковый платок.

«Если этот мальчишка сумеет полностью подчинить себе моего сына, род Лу окажется в опасности. Наследник нашего имени не должен идти на поводу у мужчины, волей случая ставшего его супругом!»

Пока в поместье Лу зрели подозрения, автомобиль доставил супругов к месту назначения. Едва сойдя на мостовую, Се Нань замер перед парадным входом. На фасаде красовалась новенькая, еще пахнущая краской вывеска: «Издательство "Южный путь"».

— Что это такое? — Се Нань затаил дыхание. В груди сладостно затрепетала надежда: неужели Лу Шэн нашел для него работу? Но, переступив порог, он лишился дара речи. Внутри всё было готово к запуску: стройные ряды новеньких печатных станков, письменные столы, конторские принадлежности. Не хватало лишь суеты наборщиков и привычного грохота прессов.

Тут до Се Наня начало доходить истинное положение вещей.

— Лу Шэн, почему здесь пусто? Где все сотрудники?

Муж заговорщицки улыбнулся:

— Как это пусто? Главный человек уже здесь.

Се Нань нахмурился:

— О ком ты? Я никого не вижу.

Лу Шэн подошел ближе и мягко положил руку ему на плечо:

— О тебе. Хозяин этого издательства — ты.

Се Нань резко обернулся, вглядываясь в его лицо:

— Что это значит?

Лу Шэн уловил перемену в его голосе. Вместо ожидаемого восторга супруг глухо раздраженно нахмурился.

— Что не так? Я купил это издательство для тебя. Теперь тебе больше не придется обивать пороги чужих редакций и терпеть отказы. Посмотри, — Лу Шэн достал из папки стопку документов, — я уже оформил все лицензии и разрешения. Это твоя крепость. Пиши всё, что велит тебе сердце. Здесь никто не посмеет диктовать тебе условия.

Се Наню показалось, будто ему вlepили пощечину. Какое унижение! Чем это отличается от повадок столичных богачей, которые содержат хорошеньких певичек? «Хочешь поиграть в писателя? Изволь, дорогая, вот тебе салон». Покупают игрушку, чтобы потешить самолюбие, похвастаться кошельком или сделать содержанку сговорчивее в постели.

Конечно, рассудком Се Нань понимал, что Лу Шэн преследовал совсем иные цели. Он искренне хотел помочь. Но от этого было не легче.

Сделав глубокий вдох, он заставил себя успокоиться и тихо произнес:

— Спасибо тебе, Лу Шэн. Я знаю, что ты хотел как лучше, пытался поддержать меня. Но мне от этого подарка не по себе. Я не стану строить из себя благородную девицу и отказываться от помощи — сейчас мне действительно до зарезу нужен этот шанс. Пусть это выглядит так, будто я и согрешить хочу, и святым остаться, но ответь честно: во сколько тебе обошлось это место? Назови сумму. Как только я начну зарабатывать, я верну тебе всё до последнего гроша.

Лу Шэн ошеломленно уставился на него:

— О чем ты говоришь?.. Прекрати так унижать себя.

— Я не унижаю себя, — покачал головой Се Нань. — Гордость велит мне швырнуть тебе эти ключи в лицо, но суровая реальность заставляет склонить голову. Поэтому я прошу тебя: уступи мне это издательство. Считаю это долгом. Я отработаю его, даже если мне придется пахать на тебя всю жизнь.

Эти слова, точно острые иглы, вонзились в самое сердце Лу Шэна. Не выдержав, он крепко прижал Се Наня к себе. Стоявший у дверей Гуйсэн тактично зажмурился и отвернулся.

— Мне не нужны твои деньги, слышишь? Я сделал это по собственной воле. И не тревожься — я не взял из казны семьи Лу ни единого юаня, это мои личные сбережения. Раз уж мы супруги, все наши радости и тяготы — общие. Ты мне ничего не должен.

— Лу Шэн... умоляю тебя, оставь мне хоть каплю гордости.

Все ласковые убеждения, готовые сорваться с губ Лу Шэна, замерли. Спорить было бесполезно.

— Хорошо, — он бессильно закрыл глаза. — Пусть будет по-твоему.

Что он мог поделать с этим упрямцем? Ровным счетом ничего.

<http://bllate.org/book/20305/2167303>